

Памяти птицы

Яков ГОРДИН

Книга стихов

ИЗДАТЕЛЬСТВО



•ПУШКИНСКОГО ФОНДА•

Яков ГОРДИН

Памяти птицы

Книга стихов

Лене и Все-
трем молодотч.
Ваш Я

12.8.2000
Сид

Санкт-Петербург, 1999

ББК 84.Р7

Г 68

ISBN 5-89803-042-5

© Я. А. Гордин, 1999

© Л. В. Жебровская, оформление,
макет, 1999

ВСПОМИНАЯ ЛЕРМОНТОВА

Я стал спокойнее стократ,
Чем был вчера. И это — мера
Всему, в чем был я виноват,
За что наказан для примера.

Мое спокойствие темно,
В нем стук копыт и выстрел дальний,
Как затемненное окно
Стократ горящего печальней.

1970

• • •

Лишь в выигрыш веря, а так'ни во что,
Один другого угарней,
При свете огарка рубились в очко
Четыре обугленных парня.

Играли на все — на обман, на авось,—
Палатку слегка трепало,—
Играли на деньги, играли „на гвоздь“,
Играли на что попало.

И ночь уходила — бочком, бочком,
Чуть дергались крылья палатки,
А уголовники дулись в очко
На столике низком и шатком.

Память моя, ты прямее багра!
Я тоже из тех, кто играет.
Нас всех на заре поджидает игра,
Но масть у меня — другая.

1958

• • •

Я помню, как солдаты били вора
У автопарка между двух машин —
Без суеты, без лишних разговоров,
Спокойно и добротнo. От души.

.....
.....
.....
.....

Я помню, как солдаты били вора.
Песок под ним был тяжело багров.
И он хрипел. И вязко, и нескоро
С песком мешаясь, застывала кровь...

1958

* * *

Г. Горбовскому

В районном центре гаснет свет.
В районном центре спать ложатся.
Открыт на станции буфет,
Где два окна пылают жарко,

Где люстры окорок висит,
И жир течет на пассажиров.
Пусть дом родной меня простит —
Я весь закапан этим жиром.

В тепле, на блюдечке пустом
Спит одинокая конфетка.
А мне на этот грязный стол
Судьбу постеляют, как салфетку.

Я лучше выйду на перрон,
Пускай меня мороз ударит.
Луна и ночь со всех сторон.
И пусто в зале ожидания.

1959

АЭРОПОРТ В ЯКУТСКЕ

В ту ночь я спал в портовой зале.
О, ночь — в свистках, в скамьях, в толпе.
А рядом кто-то под часами
О чем-то очень грустном пел.

И этой песней все решилось.
Я встал и подошел к певцу —
Как по бульону капли жира,
Веснушки плыли по лицу.

И в ожиданье перелета
Он пел на севере страны
О горькой участи пилотов,
Которым жены неверны.

И голос был шершав и низок,
Тянулся вверх и падал вниз,
И, как лунатик по карнизу,
Гулял по струнам гитарист.

И я разбужен был примером
Нелепых странностей любви...
И только пьяные шумели,
Слезу в углу не поделив.

Не знаю — ладно или грустно —
В моей судьбе слились в одно —
Ночное хриплое искусство
И гул моторов под окном.

И за горами, за долами
Ручьи багровые журчат,
И самолеты бьют крылами
И по-гусиному кричат.

1960

* * *

Поезда, как часы, неумолчны.
Разве можно на станции спать? —
Днем и ночью, особенно ночью,
Нарастают, спадают, опять...

Все на север, на север, на север —
Словно рубящий, рубящий нож...
А пожнешь только то, что посеешь —
Пожинаю бессонную ночь.

Пожинаю колеса, колеса,
Пожинаю бесформенный дым,
Пожинаю угрозы, угрозы
И себе, и друзьям, и родным.

Поезда созревают под осень —
Ибо осенью чаще всего
Пожинаю колеса, колеса
В темноте из окна своего.

10.11.61. Камарово

От острова к острову гуси летят
В старинной безрадостной песне.
И гуси летят, и крылья свистят
Над полем и над мелкоколесьем.

Не поздно ли браться за эту свирель,
За тонкую кость голошенья?
Приходит апрель и отходит, как хмель,
Сквозь горькую пену лишенья.

И все, чем владеть на пиру суждено,
Не сердцем, а возгласом правит,
И пленное время шипит, как зерно,
Тучнеет и на плечи давит.

1962

ТРИГОРСКИЙ ДОМ

Е. Ивановой

Подводным холодом стекла
Покрыты рамы длинных окон,
И вот зима подстерегла
Сей деревянный долгий кокон.

Ты погибаешь, зимний дом!
Уже не вылупиться к лету
Той бабочке, что над прудом
Садилась в легкую карету,

Той барышне, что берегла
В своих альбомах почерк легкий,—
Подводным холодом стекла
Покрыт сей дом, такой далекий.

И только помнится едва
Ее поэт, гусар, любовник,
И только ласточки-слова
Еще летят в ее альбомах.

1962

* * *

В огромной комнате не верится в любовь,
В огромной комнате морозно и привольно,
И запах дерева и вянущих грибов,
И сквознячок за шторами проворный,

И тяжело спокойствие впотьмах,
За окнами неразличима местность,
И у дверей похаживает страх,
И за дверьми безмолвна неизвестность.

И слабый свет, что я держу в руках, —
Горящее дыханье керосина,
Мы нынче с ним на разных берегах,
Один из нас зовется блудным сыном.

1962

• • •

Зима любви моей, не жалуюсь, о, Боже!
Зима моей любви и горести моей.
Как помогает жить неведомый прохожий,
Чернеющий вдали, идущий средь полей.

Не то чтобы за ним, но как-то по привычке
Я направляю шаг туда, где черный мост,
Где нефть на колеях, где кто-то утром нынче
Зачем-то выбросил полпачки папирос.

Как помогает жить нелепость на дороге,
Бесстрастие моста, спокойствие полей.
Как внятно говорят — далекий склон
отлогий,
Недвижный блеск реки и черный лес
над ней.

1962

* * *

Мое окно озарено
Мороза белыми крестами,
И все едино, все равно,
Любовь моя, что будет с нами.

Ни расставанье в два крыла,
Ни пляска птиц по зимней крыше
Мне не расскажут, что была
Надежда горестней и выше,

Чем этот месяц на краю
Холма, любви и отречения.
И то, что я тебе пою,
Судьбою лишено значенья.

Любовь моя, что будет с нами?
Ты слышишь шорохи в углу?
И солнце красными клешнями
С утра скрежещет по стеклу.

1962

Какой-то сторож стережет
Господский дом и сон природы,
Он в тонком домике живет
И колет круглые колоды,

Оберегает пустоту
Вокруг чернеющих деревьев,
Вокруг него кусты растут
И снежных всплесков блещут гребни.

Он не обходит парк ночной,
Он не отходит от сторожки,
И только гул трубы печной
В кусты ложится крупной дрожью.

Оберегает темный парк
И пустоту аллей холодных,
Его дыханья нежный пар
Покрыл морозом наши окна.

О нем опасно говорить,
И вспоминать о нем опасно,
Пока в печи огонь горит
И брызжет в щели уголь красный.

1963

★ ★ ★

Застряло дерево в кости,
Так дай листве его налиться.
Прости меня, прощай, прости,
Мы не вернемся к этим половицам,

Мы не вернемся к темному столу,
Но, Боже, чем завесить на прощанье
Все эти окна, горькую золу
Февральских сумерек за нашими плечами?

Застряло дерево в сомкнувшейся кости,
И в листьях — привкус горечи весенней.
Не возвратить. И глаз не отвести
От черных окон на холме соседнем.

1963

* * *

Не то, чтобы ночь миновала,
Но лампа тусклее горит,
Так мало, до странности мало
Ночное окно говорит.

И если ты полон печали,
Тебе невозможно помочь.
Твой взгляд равнодушно встречает
Напротив сидящая ночь,

Сидит на скамейке садовой,
Бессильные руки сложив,
Напротив безмолвного дома
И думает — Ты еще жив?

Быть может, в ней есть состраданье,—
Не знаю. Но вижу одно:
Ночные деревья рядами,
И черный забор за окном.

1964

РАЗЛИВ СОРОТИ

Вот так уплывают леса,
Холмы и луга за рекою,
Вот так уплывут небеса,
И станет окрестность другою.

На темном разливе реки,
Смешавшей судьбу и погоду,
Горячих кустов поплавки
Безмолвно стремятся под воду.

И медленно, тяжело, с трудом,
Застрявший во времени где-то,
Плывет и качается дом
Далекого ныне поэта.

И плещется время у ног,
К деревьям нагим подступает.
И черный далекий челнок
По озеру вновь проплывает.

1970

* * *

Бегут снеговые кораблики,
Бегут неподвижно вперед...
О, белое зимнее яблоко!
Морозом надкушенный плод.

Как свищут сосновые мачты
И блещут сугробы, когда
Твой сок, ледяной и прозрачный,
Бежит по застывшим губам.

И бег его весел и короток,
Всего лишь глоток до конца,
И мраморной нежностью холода
Покрыты земные сердца.

ВЕЧЕР НА СОРОТИ

О, нашей жизни темная граница —
Короткое дыхание стиха,
И если что навеки сохранится, —
Простой рожок бедняги пастуха.

Моей земли любимые приметы,
Они живут всему наперекор —
И этот рог, и плоскодонка летом,
И в ней рыбак. И озеро. И бор.

И ты, пастух, бродяга и безумец,
Пасешь коров, жующих глубоко,
И ты, рыбак, сжимающий трезубец,
Плывешь с огнем над черною рекой.

Вы счастливы безмерною судьбою,
И сердцу внятен, хоть издалека,
Комок огня, ползущий над водою,
Скотоподобный хриплый звук рожка.

1964

ПЕТРОВСКИЙ ПАРК

Чьи это головы белы
В зыбучем непогоды лоне?
Чьи это долгие стволы
В таком мучительном наклоне?

Дубов и лип высокий строй,
Высокий строй души минувшей,
Иль это только звук пустой,
Как крыльев стук, сведенных стужей?

О, эти души далеки,
Вдали, как плеск воды и лето,
Ветвей голодных костяки,
Как птичьи тощие скелеты.

И для чего смотреть на них,
На них, подвластных зимней смерти,
И бедный торопливый стих,
Как птичий пух, пускать на ветер?

Все для того, чтоб полюбить
Стальные зимние качели,
Мгновенье века озарить
Февральской вспышкой метели,

Чтоб, глядя времени вослед,
Понять, немея от догадки,
Что вот он, прошлого портрет,
В смертельном ледяном порядке,

Что птицы тощие дерев
Все так же машут костяками,
И только сгнив или сгорев,
Они соединятся с нами.

* * *

Ты мной любим, ольшаник горький,
Любовью, полной немоты.
Я поселюсь на том пригорке,
Где днем и ночью зреешь ты.

И эти серые подобыя
Ненастных и печальных дней.
Как зверь, я гляну исподлобья,
Любуясь мудростью твоей.

Так вырастай же на свободе,
Пускай по ветру семена,
Ты плодовит, но так бесплоден,
Что это не твоя вина.

Прости же мне мои увечья,
И слепоту, и глухоту,
Когда своей безмолвной речью
К твоей чащобе припаду.

И если вправду виноваты
Твои стволы и голос мой,
Пусть покарает нас крылатый,
Презрительный простор земной!

ОСЕНЬ В МИХАЙЛОВСКОМ

Осенний лес нетороплив,
В нем нет весенней суматохи —
Какой-то медленный прилив,
Как медленного моря вздохи.

Так нарастает тишина,
И плеск ветвей, и говор леса,
Полузастывшая волна
Едва сочится сквозь завесу

Печальной памяти моей.
Над головой дрозды стрекочут,
И солнца луч среди ветвей
Бьет то длиннее, то короче.

Так нарастает тишина,
И близко, у ее порога,
Березы ветвь, обнажена,
Висит над желтою дорогой.

* * *

Напротив — кладбище, на соснах — воронье,
На дальних сопках солнечные каски.
А край горы навек поворонен
Прошедшим сумраком декабрьским.

И тишина разбавлена на треть
Далеким радио, поющим на морозе,
И радостно и горестно смотреть,
Как день обозы санные увозят.

Они роняют сено на снегу,
И стебли тянутся и падают клоками,
Как будто бы стоишь на берегу
И ловишь воду медленно руками.

1961

ХОЛОДНАЯ КРОВЬ

Рыбы плывут без света.
Под солнцем зимним и зыбким.
Рыбы плывут от смерти
Вечным путем рыбьим.

И. Бродский. 1958

1

Речное небо пасмурного льда,
У прорубей — дневного света глыбы,
Плывет, не шевелясь, торжественная рыба,
И по ее глазам легко скользит вода.

И, преодолевая пережат,
Она плывет бездумно и бесцельно,
И медленно струятся берега
И водорослей скользкие сплетенья.

Под низким небом пасмурного льда
Вне суеты подвалы мира дремлют.
Плывет она? Иль движется вода? —
Как человека обтекает время.

И в этом мире, где живут ничком,
Земное время не измерить лагом,
И над ее блестящим плавником
Чуть пузырится ледяная влага.

2

Перед закатом пляшут мошки,
Вода в пруду, как керосин.
К мосткам стиральным в час кормежки
Со дна всплывают караси.

Они плывут, блестят, не меркнут,
Водицу жирную жуя,
И, словно медные копейки,
Сияет крупно чешуя.

Они всплывают неподвижно,
Как бы неся худую весть,
В их появлении неслышном
Неотвратимость даже есть.

И пальцы медленные крошат
И сыплют в воду клейкий хлеб,

Как будто он не рыбам брошен,
А брошен времени вослед.

Как будто есть любовь под кровом
И больше не о чем просить,
Как будто в воздухе багровом
Висят на нитках караси.

1962

ПАМЯТИ ПТИЦЫ

Сколько выдержать может
Птичий голос в кустах ледяных?
Вдоль пустынных дорожек
Словно тени летят верховых.

Сколько выдержать может
Птичий голос ночной?
Век беспамятный прожит
Тонкой песней одной.

Век беспамятный, горький,
Сердца легкий полет...
На пустынном пригорке
Горлом в землю врастет.

Среди мокрой крапивы
И у края реки
Сиротливо
Мертвым светом горят светляки.

1964

• • •

Не избегать воспоминаний —
Когда проходит эшелон
И от безжалостных мельканий
Глазам на шпалах тяжело,

И только там — за эшелоном,
В просветах видные едва,
Неясно, косо, неуклонно
Стоят деревья и дома.

И, наблюдая в напряженье
Куски ветвей и клочья крыш,
По эту сторону движения
От них отрезанный стоишь.

НОЧЬ

Вопль реки — о, Господи,
Мертвый седой металл —
Белой холодной простынью
Душу запеленал.

Все, что люблю, что дорого,
Бьется о берег крутой,
И этот размытый колокол,
Этот глагол литой.

Дай мне хоть отзвук выстрела
В белой моей ночи,
Дай мне собраться с мыслями,
Убей меня — но молчи!

1963

Верхоянский хребет

ВЕРХОЯНЬЕ. 1963 ГОД

(Отрывок)

Н. Рахматовой

Я проснулся. Я снова один.
В изголовье блестит карабин.
В ржавой банке белеет свеча.
Боже правый, какая печаль.
Темный иней на ржавой трубе.
«С добрым утром», — сказал я себе.
Одинокого голоса звук
Виновато разнесся вокруг.
Мало пользы себе говорить,
Надо встать, надо мясо варить.
Говори или не говори —
Ты один от зари до зари.
Я еще не поднялся. Рука
Существует отдельно пока.
Расстегнула палатку она —
Вот река ледяная видна.
А за ней сквозь густой снегопад
Равнодушные горы стоят.
И твердят очертанья вершин:

Ты сегодня, как прежде, один.
В одиночестве горы видней,
И река, и буруны на ней,
И тайга у подножия гор,
И далекий безлесый бугор.
И любовь отстраняется вдруг —
Я один, мой единственный друг.
Я один — постарайся понять —
Я один и еще, и опять.
Мне уже не вернуться назад.
Застилает меня снегопад.
И вокруг, прерывая мой взгляд,
Безнадежные горы стоят.
В одиночестве сердце темно,
Все — недавно, и — страшно давно.
Надо думать о жизни начать —
Я один, я не смею скучать.
В одиночестве дальнем моем
Я сижу на снегу пред огнем.
Я читаю, и книги со мной
Разделяют печальный покой.

Октябрь 1963

БАЛЛАДА

Окошко блестело, как черный противень,
обращенное дном во мглу,
и тот, кто сидел напротив,
продернул нитку в иглу.

А тот, кто сидел наискось,
пил черный горячий чай,
и в комнате было душно и ласково,
на столе горела свеча.

И тот, кто сидел напротив,
продернул нитку в иглу,
и тень, лишенная плоти,
сидела за ним на полу.

И тень, лишенная плоти,
говорила сама за себя,
того, кто сидел напротив,
коверкая и губя.

А тень, что была на полу за мной,
что-то шептала из-за плеча,
но она была за спиной —
на столе стояла свеча.

Тогда я понял, как Дьявол хитер,
и кто его соглядатай,
а третий допил, губы отер
и молча ушел куда-то.

1961

О, капитан, мой капитан...

Уолт Уитмен. «На смерть Линкольна»

Все проплывает в декабре,
Как чернота пустых деревьев,
На обнаженном корабле
К заречным проблескам деревни.

На ровной палубе холма,
На облетевших тонких ряях
Ежевечерняя зима
В ладонях белых сердце греет.

О капитан! мой капитан,
Мы не удержим равновесья,
Мы проплываем по пятам
Пустынных рек, дорог и весей.

И горько душу сторожить,
Теченья чувств не прерывая,
И если жить — а должно жить, —
То возвращайся, уплывая.

НОЧЬ ПОСЛЕ ВАРФОЛОМЕЕВСКОЙ

А следующая ночь принадлежала псам.
Ни голоса, ни стука колеса,
Во всеоружье хищного ума
Они делили трупы и дома.

Собаки спали на постелях,
Умны, прожорливы, грязны,
И на зубах у них хрустели
Инаковерующих сны.

И сторожа ночные лаем
Перекликались из дверей,
Разумной речью не желая
Полночных искушать зверей.

Собаки парами над Сеною гуляли,
И, озаряемы луной,
Они утопленников жрали
И запивали их водой.

И не было людей на улицах Парижа.
Они свое закончили вчера.
И подозрительного цвета жижа
По сточным желобам еще плыла.

15 марта 1964

ПИСЬМО НА СЕВЕР

И. Бродскому

Ты там стоишь, как будто в стороне,
Как будто обращен вовнутрь дважды,
Лишь ты один недвижим в той стране,
Где все в движенье медленном и важном,

Где медленно слетает теплый снег
Из темного небесного закута,
Скажи душе — спасибо за ночлег
Под этой белой кровлею минутной,

Где тягостно струится свет дневной,
И птицы черные на запад улетели,
И медленно проходят пред тобой
Друзей холодных радостные тени.

Ноябрь 1964

* * *

А. Кушнеру

Оттолкнем этот день,
И пускай он уйдет из-под рук,
На замерзшей воде
Человек появляется вдруг.

И вдали берегов
Он безмолвно чернеет один
Среди плоских снегов,
Среди мыслимых сушею льдин.

Ты мне можешь не верить,
А я в самом деле могу
Бесконечно стоять
На любимом зимой берегу,

Ты мне можешь не верить,
А я в самом деле готов
Одиноко стоять
Среди голых багровых кустов.
И пускай он проходит

По зимнему озеру вброд,
По любви, по охоте
К деревьям старинных пород,

До Петровского парка,
Где липы стоят и дубы.
Я готов. Мне не жалко
Утраченной нами судьбы.

1965

* * *

Г. Шмакову

Друзья! Я член масонской ложи,
Я Новикова друг и брат,
Я честен, честен я — и все же
Не много от меня добра.

Тот, кто о власть слегка потерся,—
Тому, конечно, невдомек,
Что наше тонкое фрондерство —
Убитой гордости комок.

Пойти в издатели журнала?
Податься в вольные стрелки?
Ах, это, право, слишком мало
И слишком много для тоски.

Зачем плюмаж на треуголке?
Будь зыбок, мыслящий тростник.
Так упоительно и горько
Великих мира подразнить.

1965

СОН

На маленьком блюде — фокстрот
И пляшет, и пляшет на столике.
И тянется ласковый рот,
Того, что стоит у стойки.

Газетчик, тихарь, спекулянт,
О, сколько простора ночного!
Не плакать, не жечь, не стрелять —
Кивать ему снова и снова.

Тому, что у стойки стоит
И держит стакан лимонада, —
Тихарь, говорливый старик,
Пылинка, частица, монада.

«Постойте, но я же не ваш!»
«Пишите, не надо бояться».
И щелкает карандаш,
И белые бланки роятся.

Над смутной душою вчерашней
Седой аистенок застыл,
И над перепаханной пашней,
Где жирно мерцают пласты.

Ему только крылья раскинуть —
И вылетят, вымахнут прочь,
Как сдутая ветром мякина —
И ветер, и вечер, и ночь.

Какая огромная птица
Взлетает над лесом моим,
Седое перо серебрится,
Клубится и пахнет, как дым.

Взлетает и кружится жадно,
И лес голубеет под ней,
И машет крылом беспощадным
Над жизнью и смертью моей.

14.8.66

* * *

Н. Рахмановой

На Балтике песок,
На Балтике весна,
Как птичий крик высок,
Как горяча сосна,

Зачем, любовь моя,
Нам помнить не дано,
Как первая хвоя
Нам стукнула в окно.

Забудем, милый друг,
Как время протекло,
Запомним только стук
Рассвета о стекло

И отраженный свет
Зари на потолке.
Крупинки дней и лет,
Песок, песок в руке.

1966

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Мы сидим за столом, скоро ночь,
в беспорядке посуда,
Но еще соблазнительна сбитая в груды еда,
Все трезвей разговор, мы сегодня не выйдем
отсюда,
Я люблю вас, друзья, оставайтесь со мной
навсегда.

Все светлей разговор, о, скорей, посмотрите
на лица,
Посмотрите на руки, на чистые руки друзей!
Пей, мой друг, может быть, не тебе суждено
удавиться,
Побывав за столом у земных справедливых
князей.

Посмотрите на руки, смотрите на руки
неловких,
Где нам знать, и зачем, и кому погубить
суждено,

Ради Бога, скорей уберите отсюда солонку,
На, толкни лучше рюмку, пролей мне
на скатерть вино.

1968

И. Б.

На смутном небе две звезды,
Как на погоне лейтенанта.
Так медлен ток сырой весны.
И обгонять его не надо.

В тревожном веянье ветвей,
В безлюдья горечи проезжей
Луна печальней и ясней
Мелькает на равнине снежной.

В сыром безлюдье этих мест —
В кювете черная машина
И, словно окрики, окрест
Изломы глоток петушиных.

И окрик фар на полверсты,
И окрик памяти пернатой.
На смутном небе две звезды,
Как на погоне лейтенанта.

1970

* * *

И трезвость горечи моей
Не утолит февральский вечер,
В последнем этом феврале
Мне утешаться больше нечем.

Холодный плеск от фар авто,
В такси сажающаяся пара,
И в серебрящихся пальто
Идут друзья по тротуарам.

Меж стен и окон февраля
Они проходят как чужие,
И освещенные стоят
Вокруг дома сторожевые.

Меж стен и окон февраля
О чем душа невнятно просит?
И трезвость горькая моя
Мне даже боли не приносит.

1970

• • •

Тень Бейлиса сухими пальцами
Перебирает старые счета,
Как крылья мельниц вдалеке по ветру
валятся,
Бумажная колыхается тщета.

Из черных рукавов туманные ладони
Разглаживают старое сукно,
Куда торопишься? никто тебя не тронет,
Еще бесшумно темное окно,

Еще как равные надежды наши встретятся,
Не отворачивай же впалое лицо,
Две сигаретки в подворотне светятся —
Беседует тихарь с каким-то подлецом.

Не беспокойся, это все — пустое,
А впрочем — не скажу — тебе видней,
И твой упрямый страх чего-нибудь да стоит
Перед бессильной храбростью моей.

1970

* * *

Не отречение на огне,
Не лобызанье с палачами,
А превращения в окне
Всего страшнее и печальней.

Запомни, милый друг, одно —
И зря портьерой не греми,—
Что мы не властны над окном,
Как властны, скажем, над дверьми,

Что не горение в огне,
И не волнение в бою,
А превращения в окне
Определяют жизнь твою.

1970

ДЕРЕВНЯ УСОХИ

Вот телега по мосту стучит,
Среди сосен рождается отзвук.
И сгустился, и слабо горчит
Над рекой остывающий воздух.

Эта горечь коры и листа,
Этот вечер безмолвный и светлый,
И стеклянная пустота
По реке проскользнувшего ветра,

Эта горькой осины кора,
Эта горечь осевшего дыма, —
Это то, что осталось вчера
И навеки уже неведимо.

И навечно, навек, навсегда
По реке, неподвижно лежащей,
Проплывает большая звезда
В эти дымные дальние чащи.

1971

ПЕРСОНАЖИ

1

Читай Державина, приятель!
Издавека — не замусоль
Льдяную чистоту понятий,
Речений каменную соль.

Он притворялся хлебосолом,
Он притворялся дикарем,
Но из-под век его тяжелых
Седой выглядывал орел,

Потом опять глазницы меркли,
Колпак сердито повисал,
На рукавице дремлет беркут,
Пока не выпорхнет лиса, —

И снова фразы звон о фразу,
Свечение каменных свечей.
Глядят четыре птичьих глаза
Из двух сощуренных очей.

1962

К портрету Чаадаева

Капитан Чаадаев, мудрец, путешественник,
фат,
Вы писали в письме генералу Орлову:
«Не склоним обнаженное наше чело» —
и, как брат,
Как мятежник мятежнику, слали приветное
слово.

Можно смерти бояться, но душу свою
не сберечь,
Можно к Богу и дьяволу равно идти
за советом,
Капитан Чаадаев, и Ваша горчайшая речь
Утонула в сиянье чела, обожженного светом.

Мы увидели Вас с обнаженным блестящим
челом,
И смотрели на Вас, и совета едва
не спросили,

Но бесстрастного света холодный шелом
Покрывал Вас, как мартовский лед
покрывает Россию.
Видно, Вам уготована чудная в мире судьба,
Если время при жизни, как будто готовясь
заране,
Как скребницею стерло с печального
Вашего лба
Жалкий след суеты и оставило лед и сиянье.

1963

3

Фаусто Мальковати

Арнольд из Брешии и фра Дольчино с ним,
Печальный Абеляр и Маймонид Испанский,
И с Цвингли под руку Марсили
Падуанский —
Никто из них теперь судьбою не гоним.

Воители, пророки, мудрецы,
В одеждах длинных и свободных,

За истину суровые борцы —
Они теперь благой вкушают отдых.

Они, беседуя, проходят предо мной,
Они идут морским широким пляжем,
Осенены скалистым желтым кряжем,
Поросшим между скал зеленою травой.

За ними вслед течет послушная вода,
Им леопард сухие руки лижет,
И если в тень деревьев вступают иногда,
Тяжелая листва спускается пониже.

Движения их рук исполнены надежд,
И столько счастья в поступи скитальцев.
Я все хочу коснуться их одежд.
Но ткань суровая уходит из-под пальцев.

1970

К портрету Ульриха фон Гуттена

О, Гуттен, бедный Гуттен, столько желчи,
И горькой злобы, и стихов,
Что, право же, гораздо легче
Пойти в ландскнехты — да и был таков!

Но этот меч. И острое перо.
Изгнание и смерть, мой бедный воин.
На ком лежит безумное тавро,
Тот только высшей жалости достоин.

Прости, поэт, не мне тебя жалеть.
Прости, солдат, не мне тебе перечить.
Прости, я не умею умереть,
Себя похоронив в безумной речи.

Пришли мне смерть — холодную латынь.
Пришли мне горе — тоже на латыни.
Передо мною горечь тех пустынь,
Где души реют, как песок в пустыне.

И этот скорбный вихорь донесет
Твое письмо, эпистолу, прощенье.
И если что на свете нас спасет —
Полет песка и душ круговращенье.

1970

5

Джон Лильберн и Уильям Блейк,
Один со шпагою, другой с пером гусиным,
Проходят старый парк, где в глубине аллеи
Дымится дерн и пахнет псиной.

Кавалерийские беззвучны сапоги,
И башмаки листву не приминают.
И ворон медленный чертит свои круги,
Как будто лица их припоминает.

И Лильберн говорит, и вторит Блейк потом,
Но этих слов никто не различает,
И только эхо за большим холмом
Невнятные реченья повторяет.

Они минуют луг и редкие леса,
И вот уж позади обширная трясина.
Но стрелки черные на бронзовых часах
Недвижны, хоть сильна пружина.

И вдохновенна речь в звучании немом.
Идут, как посуху, волнами голубыми
И ждут, уставя взгляд: за следующим
холмом
Пространство Истины откроется пред ними.

1970

6

Баварский князь, в чьей армии Декарт
Впервые осознал свое величье,
Спокойно спит. Минуты и века
Кружат над ним со щебетаньем птичьим.

А офицер-француз за письменным столом
Себе покоя не находит,
Надтреснутым обкусанным пером
Одну и ту же формулу выводит.

Суровой Швеции убийственный мороз
Течет в гортань, минуя мозг усталый,
Кровь зеленеет, словно купорос,
И с легким шелестом слагается в кристаллы.

В холодных пальцах белое перо —
Лист за листом — выводит заклинанье.
К спасительным значкам устремлено
Морозом пощаженное сознание.

Зрачок не видит свет. Не слышит ухо шум.
И в сердце — ни следа волненья.
Он все чертит — «Cogito ergo sum»,
Не пропуская ни мгновенья.

16.4.72

7

И Демокрит с великой пустотой,
И Аристотель с временем бескрайним
Лежат в земле. Аквамарин густой
Воспламенен над ними солнцем ранним.

Но времени холодное кольцо
Не знает ни конца, ни сострадания.
И пустоты безглазое лицо
Не помнит ни улыбки, ни рыдания.

Слепой мудрец, ревнитель пустоты,
Поборник времени, учитель македонца,
Сквозь глину и песок, сквозь травы и кусты
Жар ощущают греческого солнца.

Но для того, кто разумом проник
За огненную опыта границу,
Понятнее другой язык,
В могиле им другое счастье снится.

Вселенная пустая, словно спрут
Сосет неиссякаемую вечность.
И, взявшись за руки, философы плывут
В смертельную свободу — в бесконечность.

19.4.72

Тертуллиан, Тертуллиан
С его имперским христианством.
Холодный йодистый туман
Течет над мыслимым пространством.

Но время — каменная соль,
Кристалл в немыслимых границах.
Страшна пространственная боль —
Голодный воздух в мертвых птицах.

Над мертвой истиной скорбеть,
И знать, и не гнушаться горем,
И в ересь впасть, и умереть
Ересиархом и изгоем.

С холодным временем парить,
По кругу двигаться, по кругу.
И в ересь впасть. И полюбить
В прошедшей истине подругу.

9.11.73

Воздушное текучее стекло —
Безумная дурная бесконечность.
Полупрозрачной тьмой заволокло
Созвездий остывающую млечность.

Больной Паскаль сидит на берегу,
И рыбы темные к его ногам подходят —
То в мягкую сгибаются дугу,
То, страшные, блестят на небосводе.

Они блестят. И сам Левиафан
Глядит с опаскою своим зеленым глазом.
И океанский йодистый туман
Испуганный окутывает разум.

Философ немощный, рукой глаза прикрыв,
Бессмысленную пропасть созерцает.
Все круче и безжалостней обрыв,
И чешуя холодная мерцает.

* * *

Кристаллической кровью заката
В небе зимнем, стальном, ледяном
Обрывается вечер крылатый,
Красный лед задевая крылом.

Он уже не поднимется боле,
Чтобы в воздухе зимнем парить,
Он исчез, он не чувствует боли,
И не надо о нем говорить.

Потому, что страшна неизвестность,
И не наша разметит шкала
Для живых недоступную местность,
Что его навсегда приняла.

22.2.72

• • •

Хромой брюнет прошел по коридору
И дверь прижал бесшумно к косяку.
Я вслушивался пристально и долго
Вослед его кривому каблуку.

И ничего. Ни шороха в квартире.
Мгновенье падает в ячейку свою.
Вот так в армейском вышколенном тире
Перед стрельбой патроны раздают.

Давай-ка в ствол загоним их взащей,
Чтоб им никак не выскочить обратно,
И круглую стрелковую мишень
Мы кнопками пришпилим к циферблату.

Ну, что ж! прицелимся — подставь ладонь,
дружок.
Мы в тишине, которой не развеять,
Мы в неподвижности, мы — затяжной
прыжок,
Который даже пулей не измерить.

* * *

Когда в Неву входили крейсера
В осеннем дыме, в утреннем ненастье,
Я тут же понял, что пришла пора
Подумать о бесславии и счастье.

Пред ними подымались мосты,
Ни зверю нет пути, ни человеку,
И понял я, что время пустоты
Таким, как я, устроило проверку.

Оно в Неву вводило корабли,
И мост пред ними взмахивал крылами,
И только птицы легкие могли
Побить провал, открывшийся пред нами:

Там серые качались крейсера,
Белели зачехленные орудья,
Холодная осенняя дыра
На дне переливалась невской ртутью,

Тяжелые дымили корабли,
И виснул дым над тяжкими волнами,
За молчаливой крепостью, вдали,
Сырая ртуть блестела перед нами.

Кому из нас бесчестье суждено?
Кому дано бессмертие морское?
Мне в небеса? А крейсеру на дно?
Кого из нас надежнее сокроют?

Когда в Неву вступают корабли
И дым ползет на крепостные стены,
Я понимаю — времена пришли,
Когда любовь и честь равно смертельны.

1972

* * *

В петроградском холодном дыме,
В ледяном городском дыму,
Над Невой, над волнами пустыми
Тихо голову подыму —

Над железными кранами порта
Тускло-красное солнце висит,
Слышен стук с пароходного борта,
И сирена вдали голосит.

Судовая стальная сирена,
Поводя индевелым плечом,
Среди дымного зимнего тлена
Страшным пеньем меня завлечет.

Вдалеке такелажники бродят,
В этом деле они ни при чем,
Их другая сирена уводит,
Поводя индевелым плечом.

Среди кранов, чернеющих праздно,
Этот голос голодный поет.
Но они не доступны соблазну,
И стена равнодушно встает.

У кого заразиться терпением,
Чтобы слушать тот голос шутя?
На сигнальное мертвое пенье
Нынче души живых полетят.

1972

* * *

*Памяти фра Алиджело Кларено,
спиритуала*

Но чья прощальная рука
Сотрет ошибок наших пятна?
Кому — страшна и непонятна —
Она грозит издалека?

Когда багровый край небес
Тревожит, как напоминанье,
Когда разносится окрест
Болотной птицы бормотанье,

Тогда испуганно душа,
Летая над водой озерной,
Глядит в оконце влаги черной
В кругу сухого камыша

И видит пламень ледяной,
Звезды погибшей мертвый пламень,
Звезды, что тяжела, как камень,
И нет ее над головой.

10/XI-72

* * *

А. Кушнеру

Безмолвная ночная птица
Садится на мои листы —
На строки робкие садится
Седой посланец темноты.

Безмолвная ночная птица,
Та тень, чье имя — козодой,
На строки робкие садится,
Как на песок перед водой.

На темный стол под мертвой лампой
Сошел посланец тьмы земной.
И край стола потухшей рампой
Лежит меж птицею и мной.

За этой слабою границей
Стоят прибрежные кусты.
И в них живет ночная птица,
Что села на мои листы.

В ней правды нет и нет обмана.
И проезжает на коне,
На сгустке белого тумана,
Тот, кто прислал ее ко мне.

10.11.73

★ ★ ★

Воронка времени — безумный механизм,
Наперекор творения машине
Не вектор, не стрела, а лишь
скольжение вниз,
По перевернутому конусу — к вершине.

Смотри, любимая, на этот строгий смерч,
На это жерло вычисленной бездны.
Чиста математическая смерть,
Лишенная страдания и места.

И не домашний ужас потолка,
Последнего дарованного взгляду —
Пустых нулей незрячая строка
Бесстрастная идет со мною рядом.

8.1.73

И времени провалы голубые,
Как дымчатые пропасти в горах,
Курятся смертью над глаголом „были“,
Над малым словом тучей вьется прах,

Слова судьбы, смертельные глаголы,
Как черных птиц парящие кресты,
Вы языка железные монголы,
Исчадя наступающих пустынь.

Клевреты времени, сообщники движенья,
Свободные, скользящие везде —
Какое гордое самоуничижение
Своей рукой чертить вас на листе.

8.1.73

• • •

Г. Шмакову

Что сказать мне себе в утешенье
В наступающей этой зиме?
Что сигнальное мертвое пенье
Так невнятно пока еще мне?

Что квадраты холодного света
Изувечили снег под окном? —
Даже это, увы, даже это
Об одном говорит, об одном.

Снежный пар поднимается снизу
Из декабрьских, из финских болот.
Я уже не увижу Ассизы,
Где щегол над Франциском поет.

В жаркой Умбрии лист винограда
Как зубчатая реет звезда.
И не надо, не надо, не надо —
Не увижу его никогда.

Ледяная хвоя пролетает
В черном токе мороза — туда,
Где над лесом прозрачным витает
Вавилонского неба звезда.

ДВА ВОСЬМИСТИШИЯ

1

Но дай мне имя, дай мне имя...

Мандельштам

Возьми мое имя обратно —
Откуда явилось оно.
Чумные горящие пятна
Мое покрывают окно.

И птицы на юг улетают,
Как ветер на круги своя,
И жадно кричат, и глотают
Пшено моего бытия.

2

В лазури жаворонка дрожь
Меня смущает и тревожит.
Кривая, словно Парки нож,
Коса шипит и землю гложет.

Мне странно — я еще живу,
Пугаясь голоса и звука,
Внезапно исказит траву
Гримасой черною гадюка.

1974

НОЧНЫЕ УЧЕНИЯ В НОЯБРЕ 1954 ГОДА

*Алексее Гордицу,
старшие первой статьи*

Когда голубые куранты
Безмолвно ударят в мозг,
Я вспомню себя курсантом
В отдельном стрелковом полку.

Дорога всходила в гору, как дым,
И таяла не спеша,
И если что-нибудь было живым,
То это был наш неровный шаг.

По дымной стремящейся в гору струе
Всходила колонна стрелков
Туда, где парили в крошечном стекле
Ракеты, мертвей светляков.

В разрывах взлетающих к небу огней,
Горящих над бездной снегов,
Как мертвые птицы, порхали над ней
Жестокие взблески штыков.

Белым мерцали ночные снега,
Сержанты кричали: «Вперед!»
Охотское море несло в берега
Черный гремучий лед.

И я, пулемет поправляя плечом,
Со всеми стремился туда,
Туда, где зеленым кошачьим огнем
Вдали полыхала звезда.

СТИХИ О ТОМ, КАК МЫ ДОБЫВАЛИ МЕТАЛЛОЛОМ ЗИМОЙ 1955 ГОДА

Месяц декабрь. Степь в Забайкалье.
Метель. Ситуация на любителя.
И вбитый в землю почти вертикально
Корпус разбившегося истребителя...

Вот я втыкаю свой лом, как пику,
Между стальных стеблей.
Нам нужно выломать бронеспинку —
Она всего тяжелей.

Вот я втыкаю свой лом, как пику
(Пусть это будет стопкадр),
А тень истребителя, призрак безликий,
По-прежнему ловит локатор.

Вот я втыкаю свой лом, как пику,
В пробитый морозом металл.
А тень пилота в молчанье великом
За ломом идет по пятам.

Он снова свистит в ледяном вираже,
Он тянет штурвал на себя.
Он смотрит на нас, негодуя в душе,
Тоскуя, страдая, любя.

12.XII.75

ВЕСЕННЕЕ УТРО 1956 ГОДА

Я был старшим конвоя при выездной
Сессии трибунала.
То было раннею весной,
Природа еще дремала.

Скелетики серые — возле дорог —
Бурьяна и лебеды,
Сырого тумана слоистый творог
Вдали, где лежали пруды.

Налево маячил березовый лес,
Направо — колючий забор.
Я шел с карабином наперевес,
Готовый стрелять в упор.

Какие-то птицы безмолвно вились
Над авиагородком.
И шел истребитель стремительно вниз,
Чтоб сесть за соседним холмом.

Но грохот его не мешал тишине,
Которой пейзаж был покрыт,
И той тишине, что стояла во мне.
И долго еще простоит.

1975

*Только помнишь безумную власть
И безумный уверенный свист.*

И. Бродский

Ручной пулемет Дегтярева,
Который я честно носил,
Ни жестом, ни взглядом, ни словом
Меня ни о чем не просил.

И в диких лесах Верхоянья,
Когда я остался один,
Ни жалости, ни подаянья
Не требовал мой карабин.

Что шепчет в полночную стужу,
Когда мы с душою вдвоем,
Угрюмая верность оружия
В великом соблазне своем?

Как будто из леса зовет
Морозный уверенный свист,

**Как будто над лесом взмывает
Багровый осиновый лист.**

1975

ВОСПОМИНАНИЯ О ТАТАРСКОМ ПРОЛИВЕ

Я носил шинель по-кавалерийски длинную,
Она задевала снег.

Я ходил, как стальной, по планете глиняной
И ничего не видел во сне.

Солнце вставало со дна пролива,
И под самым солнцем — вдали —
То исчезал, то всплывал торопливо
Остров Сахалин.

Он плыл неподвижно по небу бледному,
Как в памяти — мертвый флот,
Плывущий на якоре, а вослед ему
Вечное небо плывет.

ОТДЕЛЬНЫЙ СТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК

В/Ч 01106

(Фрагмент)

...Смерть качает зеленую полынью,
Мажет фосфором морды волкам,
И стоит мне глянуть в глаза огню,
Я слышу шаг моего полка.
Смерть ползет, заглушая шаг,
По-пластунски, в землю дыша...

ГРУППОВОЙ ФОТОПОРТРЕТ 1915 ГОДА

Памяти моего деда Якова Басина

Мой дед в офицерской папахе
Сидит на портрете своем
В армейской защитной рубаше
С другим офицером вдвоем.

Не блещут парадные бляшки,
Уже щегольство не с руки,
В коленях зажатые шашки,
За спинами их — денщики.

Не манит посмертная слава
Усталых военных врачей,
Сидят утомленно, не браво,
И теплится слева направо
Кровавый подземный ручей...

И я, никого не убивший,
Но в дымном brutальном бреду
Беспечно оружие носивший,
Средь сизого праха бреду...

Потомков своих не узнавший,
В тифозном сгоревший огне,
Мой тезка, мой дед, воевавший
На первой германской войне...

1989

* * *

*К фотографии
Леопида Добычина*

Широкий галстук прошлых лет,
Пенсне и череп голый.
Как молчалив фотопортрет
Работы старой школы.

Едва ли виден Рубикон
В блестящем фотопрахе. —
Что говорит о смерти он?
Что говорит о страхе?

Что говорит он о судьбе,
Таинственной, как рыба?
Что говорит он о себе
Живущим ныне? Ибо

Не может выплыть никогда
Утраченное знание,
Пока враждебная вода
Сочится сквозь сознание.

И скорбным знаньем прежних лет
Так замкнут и подавлен,
Глядит на нас фотопортрет,
В чужое время вставлен.

1978

* * *

Кого мне вспомнить в эту ночь?
Кому признаться в неприязни?
Себе, бессонному, помочь
Сыскать пути на чертов праздник.

Туда, где властвует крючок,
Такси бульваром пролетело,
Я одаренный новичок,
Мне по плечу сыскное дело.

Взбегу по лесенке крутой,
Вот стол под слюдяным оконцем,
Войду в гороховом пальто,
И сяду славным незнакомцем.

И гости станут говорить,
Делить на наших и не наших,
Из медных пуговиц варить
Горячую густую кашу.

И станут думать обо мне,
И косо взглядывать украдкой,
Покуда каша на огне
Клокочет на треноге шаткой,

И скажут: «Подкрепитесь, друг». —
Наложат каши медно-красной.
Я ложку выроню из рук.
И не смогу. Все станет ясно.

1975

* * *

Не мне божиться зеленью машин,
Надсадным скрежетаньем шестеренок,
Они текут, проходят вдоль души,
Как мимо зеркала ребенок.

Не уходи, останься, грузовик!
Мне тяжело такое отчужденье.
Узнай себя и задержись на миг,
Нарушив деловитое движенье.

Ну, задержись, побудь еще со мной,
Помедли хоть на миг у светофора,
Где красный свет с горячностью чумной
Так ядовит в полуночную пору.

На перекрестке тела и души
Ну, зашипи проколотым баллоном,
Притормози, постой, о, не спеши
По травяному кувыркаться склону!

На перекрестке вой и толкотня,
Ни одного не вижу пешехода,
И то, что мне ясней день ото дня,
Страшней и непонятней год от года.

1975

* * *

Н. Рахмановой

Среди бурных стихий Эмпедокла,
Друг от друга стремящихся прочь,
На холодные черные стекла
Опускается прежняя ночь.

Это пляшет огонь по карнизу,
Это воздух летучий парит,
И земля поднимается снизу,
И под нею вода говорит.

О, любимая! кто их научит
Созиданию в пустоте?
И какой неизведанный случай
Их сведет в мировой темноте?

Мир неясен, немислим, невечен.
В нем четыре стихии кружат.
Только встреча, случайная встреча —
Оправданье его чертежа.

1975

ВЕЧЕРНЯЯ СВОБОДА НА РЕКЕ

Как сладко в воздухе сыром
Забуть привычную невзгоду.
Но, Господи, каким трудом
Сплотить разъятую свободу?

Свободу медленной руки,
Скользящей по веслу сырому,
Свободу дремлющей реки,
Плывущей неподвижно к дому,

Туда, за неподвижный лес,
За валуны в струях холодных,
За этот легкий край небес,
Таких далеких и свободных,

Туда, где наша жизнь живет
И нам, оставленным, не внемлет.
Но то, что память оттолкнет,
Душа испуганно приемлет.

Как мы на свет недавно родились.
И времени прозрачная дорога
С холодной высоты идет наклонно вниз
И под ноги спускается отлого.

И времени стеклянные следы
Блестят на меховой равнине снежной,
Как братья заблудившейся воды,
Морозом остановленные нежно.

Кристаллы воли, каменная соль
Души, которой вечное коснулось,
Как будто несдержавшаяся боль
На прошлое случайно оглянулась.

СОДЕРЖАНИЕ

Вспоминая Лермонтова («Я стал спокойнее стократ...»)	5
«Лишь в выигрыш веря, а так ни во что...»	6
«Я помню, как солдаты били вора...»	7
«В районном центре гаснет свет...»	8
Аэропорт в Якутске («В ту ночь я спал в портовой зале...»)	9
«Поезда, как часы, неумолчны...»	11
«От острова к острову гуси летят...»	12
Тригорский дом («Подводным холодом стекла...»	13
«В огромной комнате не верится в любовь...»	14
«Зима любви моей, не жалуюсь, о, Боже...»	15
«Мое окно озарено...»	16
«Какой-то сторож стережет...»	17
«Застряло дерево в кости...»	19
«Не то, чтобы ночь миновала...»	20
Разлив Сороти («Вот так уплывают леса...»)	21

«Бегут снеговые кораблики...»	22
Вечер на Сороти («О, нашей жизни темная граница...»)	23
Петровский парк («Чьи это головы белы...»	24
«Ты мной любим, ольшаник горький...»	26
Осень в Михайловском («Осенний лес нетороплив...»	28
«Напротив — кладбище, на соснах — воронье...»	29
Холодная кровь	
1. «Речное небо пасмурного льда...» ..	30
2. «Перед закатом пляшут мошки...» .	31
Памяти птицы («Сколько выдержать может...»)	33
«Не избегать воспоминаний...»	34
Ночь («Вопль реки — о, Господи...»)	35
Верхоянье. 1963 год (Отрывок) («Я проснулся. Я снова один...»)	36
Баллада («Окошко блестело, как черный противень...»)	38
«Все проплывает в декабре...»	40
Ночь после Варфоломеевской («А следующая ночь принадлежала псам...»	41

Письмо на Север («Ты там стоишь как будто в стороне...»	43
«Оттолкнем этот день...»	44
«Друзья! Я член масонской ложи...»	46
Сон («На маленьком блюде — фокстрот...»)	47
«Над смутной душой вчерашней...»	48
«На Балтике песок...»	49
Тайная вечеря («Мы сидим за столом, скоро ночь, в беспорядке посуда...») ..	50
«На смутном небе две звезды...»	52
«И трезвость горечи моей...»	53
«Тень Бейлиса сухими пальцами...»	54
«Не отречение на огне...»	55
Деревня Усохи («Вот телега по мосту стучит...»)	56
Персонажи	
1. «Читай Державина, приятель...» ...	57
2. «К портрету Чаадаева («Капитан Чаадаев, мудрец, путешественник, фат...»	58
3. «Арнольд из Брешии и фра Дольчино с ним...»	59
4. «К портрету Ульриха фон Гуттена (О, Гуттен, бедный Гуттен,	

столько желчи...»)	61
5. «Джон Лильберн и Уильям Блейк...»	62
6. «Баварский князь, в чьей армии Декарт...»	63
7. «И Демокрит с великой пустотой...»	64
8. «Тертуллиан, Тертуллиан...»	66
9. «Воздушное текучее стекло...»	67
«Кристаллической кровью заката...»	68
«Хромой брюнет прошел по коридору...»	69
«Когда в Неву входили крейсера...»	70
«В петроградском холодном дыме...»	72
«Но чья прощальная рука...»	74
«Безмолвная ночная птица...»	75
«Воронка времени — безумный механизм...»	77
«И времени провалы голубые...»	78
«Что сказать мне себе в утешенье...»	79
Два восьмистишия	
1. «Возьми мое имя обратно...»	81
2. «В лазури жаворонка дрожь...»	81
Ночные ученья в ноябре 1954 года	
(«Когда голубые куранты...»)	83

Стихи о том, как мы добывали металлолом зимой 1955 года («Месяц декабрь. Степь в Забайкалье...»)	85
Весеннее утро 1955 года («Я был старшим конвоя при выездной...»)	87
Ручной пулемет Дегтярева	89
Воспоминания о Татарском проливе («Я носил шинель по-кавалерийски длинную...»)	91
Отдельный стрелковый полк в/ч 01106 (Фрагмент) («...Смерть качает зеленую полыню...»)	92
Групповой фотопортрет 1915 года («Мой дед в офицерской папаше...») ..	93
К фотографии Леонида Добычина («Широкий галстук прошлых лет...»)	95
«Кого мне вспомнить в эту ночь?..»	97
«Не мне божиться зеленью машин...»	99
«Среди бурных стихий Эмпедокла...»	101
Вечерняя свобода на реке («Как сладко в воздухе сыром...»)	102
«Как мы на свет недавно родились...»	103

Гордин Я. А.

Г 68 Памяти птицы: Книга стихов.—СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 1999.— 112 с.

ISBN 5-89803-042-5

В книгу вошли стихотворения, написанные в конце 1950-х — 1970-х годах. Я. А. Гордин — поэт, прозаик, драматург, историк, публицист — автор книг «Три повести» (1983), «Три войны Бенито Хуареса» (1984), «События и люди 14 декабря» (1985), «Право на поединок» (1989), «Меж рабством и свободой» (1994), «Дуэли и дуэлянты» (1997), «Мистики и охранители» (1999).

ББК 84.Р7

Яков Аркадьевич
ГОРДИН
ПАМЯТИ ПТИЦЫ
Книга стихов

Менеджер издания Э. М. Рыбакова
Корректор Н. В. Кузнецова

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 071541 от 25 ноября 1997 г.

Сдано в набор 25.09.99. Подписано в печать 30.11.99.
Формат 60 x 84 1/32. Печать офсетная.
Гарнитура Петербург. Усл.-печ. 3,26. Уч.-изд. л. 2,8.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Пушкинского фонда».
Санкт-Петербург, Моховая ул., 20

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Дизайн».
121028, Санкт-Петербург, Моховая ул., 26.

ISBN 5-89803-042-5



**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКОГО ФОНДА»**

**готовит к печати
серию поэтических книг**

«ОТ ПУШКИНА ДО БРОДСКОГО»

**знаменитые сборники стихов
русских поэтов**

